

АНШЛАГ НА СТАРЕНЬКОМ «СУСАНИНЕ»

Гастроли Большого театра в Петербурге начались в более заполненном зале, чем гастролы Мариинского в Москве

Кравченко Илья, - 1998. - 8 апр. - с. 7

Выдвинутый на Государственную премию бас Владимир Маторин стал лучшим Сусаниным последних лет.
Фото ИТАР-ТАСС

Гюляра Садых-Заде

ГАСТРОЛИ оперной труппы Большого на сцене Мариинки готовились долго и, как и предполагалось, вызвали ажиотаж, хоть и несравнимый с тем, что царил на балетных спектаклях москвичей, но все же весьма заметный. В день открытия давали «Ивана Сусанина», которого петербуржцы не видели на сцене лет двадцать. Оттого интерес к «Сусанину» был невероятным, и гениальная музыка Глинки оправдала самые завышенные ожидания меломанов. Непосредственная радость от того, что снова слышишь с детства знакомые арии и ансамбли, впитывавшихся заигранные мелодии блестящих

танцев польского акта, отчасти заслоняла погрешности в звучании оркестра и некоторые шероховатости вокала. К тому же ухо, приученное к модному, аффектированно-приподнятому звуку оркестра Мариинского театра, вскоре делало открытые оркестр и хор Большого звучать совсем иначе, мягко, притушенно, плавно и спокойно.

Правда, дирижер Павел Сорочкин так и не смог добиться слаженного и стройного совместного звучания хора и оркестра. Зато солисты спели замечательно. Ляриса Рудакова (Антонидя), певича с удивительно красивым, мягким и нежным, теплым сопрано вела партию тонко и музыкально. Чуть-чуть, быть может, подводили верха в каватине, зато

ария «Не о том скорблю, подруженьки» и трио были спеты почти совершенно.

Основное внимание зала, впрочем, было обращено на монументальную фигуру Владимира Маторина — вот уж настоящий Иван Сусанин, могучая, истовая личность, цельная, суровая, степенная. Так сыграть и так спеть Сусанина в Питере могут единицы.

Расованный тенор Владимира Щербакова в первом акте порадовал, потом стали заметны «покрихивания» в верхах, да и голоса Рудаковой и Щербакова не очень-то сливались в ансамблях. Но чудесное трио «Не томи, родимый» спели прекрасно, сорвав аплодисменты.

Эстетика спектакля — любовно выписанные развесистые деревья, бревенчатые избы,

роскошество балльной залы в польском акте — в Питере все не казалась «клюквой». Петербургские зрители привыкли к охранительным традициям Мариинского театра, в репертуаре которого до недавнего времени сохранились спектакли пятидесятилетней и даже столетней давности. Аромат подлинности, аутентичности еще не выветрился в декорациях 1945 года — в наши дни так не нарисуют даже самые изощренные стилизаторы. В данном случае спектакль «Иван Сусанин» воспринимался как раритет, бережно хранимый и время от времени подновляемый — и это даже умалило.

Следующий день гастролей был отдан Рахманинову поэма «Колокола» и опера «Франческа да Римини» в постановке Бориса Покровского. Дирижировал Андрей Чистяков, музыкант способный и профессиональный, но не очень яркий. Но и выбранное к показу сочинение Рахманинова явно не относится к числу авторских удач. Музыкальная речь весьма усреднена по интонации и ожидается по оркестровому решению. Быть может, поэтому казался блеклым хор, в пении которого не разобрать было ни единого слова, и вяло пели солисты (Лариса Рудакова, Владимир Щербаков, Павел Черных). Зрелище, придуманное Покровским во «Франческе», захватывало и завораживало.

К чести оркестра заметим, что музыканты, ведомые артистичным Чистяковым, собрались и играли вдохновенно, темпераментно и приподнято. Так что вторая половина вечера, проведенного в Мариинском театре, оказалась куда ярче и интереснее первой. Остается лишь добавить, что в достойном певческом ансамбле — Мария Гаврилова (Франческа), Виталий Тарашенко (Паоло), Сергей Мурзаев (Данчетто Малатеста) — наиболее выразительным актерски и убедительным вокально оказался последний.

■ Санкт-Петербург